

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Т Р У Д Ы
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ • XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЗАДАЧИ АРАБСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В СССР

Одной из особенностей культуры арабов является та исключительная роль, которую играет в ней письмо. Оно не только средство обмена мыслей, фиксации научных и литературных форм, административных сношений, но служит для вещественной документации и в самом широком масштабе для декоративных целей.

Сперва распространение арабской культуры на огромном протяжении халифата обусловило ее контакт и обмен с целым рядом народов и областей. Он усилился с принятием ислама, выразителем которого явился арабский язык, проникший вместе с кораном в обиход многих народов не семитического происхождения, а вслед затем у них возникала арабская письменность. Так образовались памятники арабской эпиграфики у народов иранского, тюркского и монгольского происхождения, часть которых жила, живет и поныне на территории СССР. Сила арабской культуры была настолько велика, что она вовлекала в свою сферу также не исламизованные страны и население. Примером для данного случая служат христианские народности Кавказа, особенно Армения и Грузия.

Арабская письменность слагается из многих слишком разнородных и обширных областей, а потому для удобства изучения их подразделяют условно на несколько категорий. Одну из таких категорий представляет эпиграфика, т. е. изучение арабских надписей, объединенных по признаку материала и назначения. В эпиграфику не входят обычно те категории арабской письменности, которые служат предметом изучения самостоятельных научных дисциплин, а именно литература (рукописи), нумизматика (монеты), палеография, дипломатика (шрифт, документы), сфрагистика (печати), геральдика (должностные знаки, гербы), метрология (меры и веса).

При огромном размахе строительства во многие периоды халифата и у некоторых феодалных властителей, когда на каждом памятнике стремились зафиксировать дату сооружения, ремонта, перестройки, имя строителя, производителя работ, мастера и другие подробности, при широком развитии ремесел, где надписи служили одним из важнейших художественных ингредиентов, при той высшей оценке, которую письмо имело в гла-

зах арабов по сравнению с изобразительными искусствами, понятно, что количество эпиграфических памятников должно быть очень значительно.

Основная задача эпиграфики — установить правильный арабский текст, дать верный перевод и необходимые комментарии, в которые входят определение датировки, среды, социальных отношений и других культурно-исторических моментов. Если бы все эпиграфические материалы находились в идеальной сохранности, то и тогда труд эпиграфиста не был бы легким, принимая во внимание особенности арабского шрифта и языка. Но удовлетворительная сохранность надписей — довольно редкое явление и издание текстов требует продолжительной работы, хорошей подготовки, владения специальными методами и знаниями. Так, напр., без знания языка и палеографии (в данном случае разумеется эволюция знаков) невозможно установить чтение и перевод текста; без знания истории и материальной культуры нельзя оценить в должной степени его значение.

Наша страна должна быть признана скорее богатой, чем бедной эпиграфическими памятниками. Они распадаются на две группы. Первую составляют надписи, возникшие в географических пределах СССР и некоторых областях, входивших прежде в границы России и находящиеся у нас в настоящее время; вторую составляют аналогичные надписи, находящиеся в СССР, но созданные вне его территории. По существу, за немногими исключениями надписей на предметах недвижимых (скалы, постройки *in situ*), состав обеих групп одинаков. Это — надписи с построек или памятников, прочтенные на месте, зафиксированные каким-нибудь способом или вывезенные с места в виде плит, обломков; затем надписи на предметах обихода и прикладного искусства, без ограничения материала, т. е. не взирая чем, на чём, как исполнена на предмете арабская надпись, но с учетом ее содержания.

Материалы по арабской эпиграфике в СССР охватывают теоретически более чем тысячелетний период, со времени проникновения арабов на территории, ныне входящие в состав нашего Союза, т. е. с конца VII в. н. э. до настоящего времени. Фактически мы не имеем до сих пор ни одной собственно надписи VII в., однако находка 1933 г. в пределах Согдианы в замке Муг Қал'а арабского документа на коже, датированного 100-м годом хиджры, показывает, что существование их возможно.

Местонахождением эпиграфических памятников в СССР являются, с одной стороны, области, население которых тесно соприкасалось с арабами и их культурой, а именно Кавказ, Средняя Азия, Приуралье, Поволжье, Крым, Украина, с другой — музейные хранилища, библиотеки, архивы в различных городах Союза, главнейшие из которых Баку, Бахчисарай, Евпатория, Ереван, Казань, Киев, Ленинград, Махач-Кала, Москва, Самарканд, Симферополь, Саратов, Старый Крым, Ташкент, Тбилиси.

Если не считать упоминаний некоторых ранних путешественников, изучение наших эпиграфических материалов начато с первой четверти

XIX в. акад. Френом, работы которого не утратили своего значения до настоящего времени. Максимальный интерес к эпиграфике в прошлом веке падает на 40-е — 60-е годы и поддерживается главным образом акад. Дорном и его корреспондентами, особенно Ханыковым и Бартоломеем. Их трудам мы обязаны основной частью печатных сведений о монументальных надписях Кавказа, часть которых с той поры исчезла. Судьба эпиграфических материалов этого периода довольно печальна. Дорну не пришлось при жизни издать собранные им надписи; они только зарегистрированы в его отчетах о путешествии на Кавказ 1861 г., отчасти воспроизведены литографским способом в атласе, изданном уже после его смерти, но основная часть не разыскана, в том числе его записные книжки. Еще больше приходится жалеть об исчезновении нескольких десятков эстампажей Бартоломея с куфических надписей в различных местностях Кавказа, которыми пользовался Ханыков, так как только эстампирование наравне с фотографией передает механически все детали письма, что не достижимо при самом точном и добросовестном изображении на-глаз и от руки. Между тем, изданные Ханыковым тексты не безупречны с современной точки зрения и требуют переиздания.

Около трех десятилетий после смерти Дорна тянулось затишье. Этот период не был, конечно, совершенно бесплодным. Можно отметить, напр., приобретение в Палестине Фирковичем в 1870 г. плиты 486 г. х., но она, попав в Публичную библиотеку, оставалась неизвестной в течение 60 лет. Эпиграфическая работа двигалась главным образом в Крыму.

Следующий благоприятный период собирания и опубликования надписей падает на конец XIX в., захватывая разные районы; с той поры оно не прекращается, но интенсивность его колеблется.

Наследие, которое нам оставили наши предшественники-эпиграфисты, не велико по сравнению с объемом и значением нашего эпиграфического фонда; уровень его обработки очень неодинаковый. В одних случаях удовлетворительное чтение сильно искажено в печати, в других явное непонимание текста, зависевшее порой не от незнания языка, а от общего состояния эпиграфики в прошлом веке, настоящим творцом которой был гениальный арабист конца XIX в. и первой четверти XX в., Max van Berchem. Мешало также качество и способ репродукций и недостаточное знакомство с палеографией, примером чего служит хотя бы неверно прочтенное Френом звание должностного лица القاضى на двери в Гелатах. Некоторые монументальные надписи дошли до нас в нескольких списках, но ни одна редакция, к сожалению, не правильна. Это особенно печально, когда памятник более не существует. Случалось даже, что один и тот же текст приурочивали к различным пунктам и теперь трудно установить, которая из атрибуций верная. С подобными фактами мы сталкиваемся, между прочим, среди надписей с Апшеронского полуострова, которыми занимался Дорн и его современники. Не легкое положение

эпиграфиста и в тех случаях, когда приходится иметь дело с анонимными памятниками в музеях.

С наступлением XX в. научные запросы, предъявляемые к арабской эпиграфике, стали серьезнее и глубже; можно назвать конкретные случаи совершенно правильного подхода к делу собирания эпиграфического материала, как было, напр., в период археологических работ на Кавказе Н. Я. Марра и его соотрудников; можно указать образцовые издания надписей, напр. Гератского бронзового котелка 559/1163 г. Н. И. Веселовским и К. А. Иностранцевым и др. Но чаще, к сожалению, уровень публикуемых материалов не высок. Упрек может быть сделан со стороны недостатка критического подхода, неполноты информации, небрежности издания текста и плохого оформления, т. е. малого количества и низкого качества репродукций. Такие погрешности лишают возможности пользоваться изданиями; нельзя полагаться на искаженный текст, плохое воспроизведение которого, даже отсутствие его, не дает возможности установить или проверить чтение.

Некоторые учреждения начали и ведут систематическую работу в своих собраниях. Так, в Государственном Эрмитаже, не считая изданных ранее надписей, из которых особенно важны вышеупомянутый Гератский котелок, „Inscriptions mobilières“ М. van Berchem'a, „Восточное серебро“ Я. И. Смирнова, надпись „изразцового люстрового Михраба“ В. Крачковской, подготавливается Л. Т. Гюзальяном свод арабских надписей на бронзе, обработана часть люстровой керамики, предположено приступить к обработке надписей на тканях и др.; изданы арабские надгробия, находящиеся ныне в Институте книги, документа и письма АН. Уделялось внимание эпиграфике в Крыму, особенно в Бахчисарае и Эски-Крыме, где надписи собраны во вновь основанных музеях; продолжается собирание в Закавказской федерации (напр., в Музей Грузии в 1934 г. поступил камень с куфической надписью, найденный близ Тбилиси) и Ср. Азии, но работы подвигаются неравномерно и с большим отставанием.

В то время, как основные музеи за границей посредством прекрасных изданий сделали свои фонды общедоступными, рядом крупных ученых и учреждений создана богатая литература по арабской эпиграфике, мы, владея первоклассным материалом, можем противопоставить чрезвычайно мало. Такое положение недопустимо не только ради нашего научного престижа, но и в наших прямых интересах. Польза расшифровки монументальных и вещевых надписей очевидна: эпиграфический анализ заставит их заговорить, поможет восстановить многие черты местных культур и производств. Для иллюстрации ограничимся одним только примером. Известно, какую важную роль в индустрии халифата занимало ткачество, стоявшее на очень высоком уровне. Многие города славились своими специальными сортами тканей. Их выработывали в государственных мастерских и снабжали особыми вытканными или вышитыми надписями,

так называемым *ṭirāz*. Подобных образцов сохранилось довольно много. Между прочим, в прошедшем году обнаружена 'аббасидская ткань с надписью, вытканная в Мерве в 278/891 г. (издана Н. Hawary, *Bulletin de l'Institut Égyptien*, т. XVI, 1934). Эта находка имеет не только эпиграфический и историко-культурный интерес, но и чисто-практическое значение, и мы можем только пожалеть, что фрагмент не в одном из наших музеев. Отсюда ясно, что эпиграфические штудии у нас не могут ограничиваться кругом только нашего материала и литературы, и мы должны постоянно учитывать иностранную литературу, которая не только освещает то, что вышло из географических пределов нашей страны, но в некоторых случаях служит основным источником сведений о нашем материале. Таково положение, напр., со знаменитым Ташкентским надгробием 230 г. х., которое было издано М. Hartmann'ом и имеет значительную иностранную библиографию (см. *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, т. I, стр. 244 — 245, № 310).

Конечно, не следует питать преувеличенных надежд на сплошь блестящие результаты использования эпиграфического материала. Оригинальные надписи крупного значения сравнительно редки, гораздо чаще они шаблонны. Надпись может быть не прочитана из-за дефектности или, при хорошей сохранности, содержание не даст значительных выводов. Но наш долг прежде всего планомерно и добросовестно вести в общем масштабе подготовительную работу собирания, учета и регистрации всех эпиграфических материалов, не пугаясь трудностей и не пренебрегая ничем: опыт показывает, что надпись плохой сохранности иногда удается восстановить до последнего слова (блестящий случай имеется в эпиграфике Каира), утерянные или разобщенные части порой удается отыскать, изолированные фрагменты могут пролить свет на сложные и запутанные вопросы и, кроме того, они создают почву для палеографических, а следовательно, и хронологических суждений.

Для каждой существующей или вновь находимой надписи должны быть собраны точные сведения, как-то: время и место нахождения или покупки (то есть, установлено происхождение), краткое описание памятника, место хранения, обмеры, материал, сохранность, число строк, характер шрифта, арабский текст или транскрипция по одной системе, которая позволила бы в любое время безошибочно восстановить полный арабский текст; дата, фотография и эстампаж; в качестве подсобного материала может служить рисунок. Если оригинал надписи недоступен или утрачен, приходится ограничиваться изучением прежних изданий, описаний и изображений по отчетам экспедиций, архивным материалам, фотошкалам и соответствующей литературе, с учетом их качества и степени достоверности.

В старой литературе иногда встречаются краткие упоминания надписей. Напр., И. А. Бартоломей (в *Lettres... relatives aux antiquités géorgiennes*, *Mél. As.*, II, 1856) заметил на колокольне церкви в Dbanis, округа

Somkhetн камни с рельефными куфическими надписями. Эти указания необходимо отмечать: они могут служить вехами путей проникновения арабского языка и культуры в данную местность и повести к отысканию оригиналов.

Особенное внимание должно быть направлено на те наши современные издания, которые затрагивают арабскую эпиграфику. Чрезвычайно редко в них можно почерпнуть полноту сведений. Арабский текст порой пестрит ошибками неизвестного происхождения: может быть это корректурная небрежность или погрешности оригинала, которые в образцовом издании обязательно надо оговаривать. Русская или латинская транскрипция, совершенно случайная, скорее вредит, чем помогает делу. Между тем, даже в последние годы иногда пользовались русской транскрипцией Дорна, извинительной семьдесят лет назад, но непригодной в настоящее время, особенно с искажением ее.

Приходится возражать также против изданий текстов в одном только русском переводе, хотя бы и безупречном, без арабского текста или транскрипции: русский текст, конечно, нужен, особенно для широкого круга читателей, но надо помнить, что эпиграфисту, историку, востоковеду необходим подлинный текст; восстанавливая его посредством обратного перевода с русского на арабский язык, легко впасть в неточность при большом выборе синонимов, сложности арабской титулатуры и синтаксиса.

Намеченный план подготовительной работы, с применением карточной системы, позволит вести учет эпиграфического материала, легко в нем ориентироваться и перегруппировывать его смотря по необходимости. Последнее условие особенно важно, если иметь в виду организацию капитального издания наших эпиграфических материалов. Потребность в этом ощущается все острее. Просмотр специальной иностранной литературы показывает в настоящее время почти идеальную быструю информацию относительно европейских, американских и восточных собраний, из которых на первом месте стоит несомненно Египет с Музеем арабского искусства в Каире. В то же время упоминания наших материалов, даже изданных, редки, как оазисы в пустыне, потому что количество и качества публикаций не соответствуют современным темпам научного развития, чрезвычайно слаба информация и распространение наших изданий за границей.

Задаваясь вопросом о типе предстоящих эпиграфических изданий, приходится остановиться особенно на каирских изданиях. В Каире, исключительно на египетском материале, был создан Мах'ом van Berchem монументальный первый том капитального свода арабских надписей (*Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum*), который послужил образцом для всех позднейших аналогичных работ самого автора, его сотрудников и его продолжателей. *Corpus* — свод имеет конечной целью собрать постепенно и должным образом осветить все существующие арабские тексты, входящие в сферу эпиграфики. Такая грандиозная задача сразу не выпол-

нима, осуществлялась и осуществляется по частям, причем отдельным странам, напр., Египту, Сирии, Испании и другим, посвящается особый том.

Заняв первенствующее положение в конце XIX в., Египет до настоящего дня стоит во главе эпиграфических штудий. Кроме продолжения свода, монографий и предметных каталогов, где эпиграфика доминирует, Египту принадлежит инициатива и издание хронологического списка арабских надписей (*Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*) при широком участии эпиграфистов многих стран.

Оба издания преследуют различные цели. *Corpus* — свод — чисто научное исследование надписей в общем хронологическом порядке, который нарушается для отдельных памятников, если они имеют надписи разных периодов. Арабский оригинальный текст и перевод приведен полностью, коранические цитаты только отмечены ссылками; текстуальный анализ чрезвычайно глубокий, с обширными экскурсами, исчерпывающей библиографией и указателями.

Хронологический список (*Répertoire*) ставит своей целью не исследование, не переиздание, а научно поставленную регистрацию текстов, учет всего наличного фонда и достижений мировой науки в области арабской эпиграфики. В нем регистрируются только датированные или датируемые монументальные надписи со всех концов арабского мира, в музеях или в изданиях, изданные и неизданные, наконец, эпиграфические материалы из арабских источников. Арабский текст сопровождается французский перевод, точная характеристика и полезная библиография. Тексты передаются с сохранением арабской транскрипции оригинального издания, без исправления ошибок. Для облегчения ориентировки в издании надписи, в зависимости от происхождения, расположены в пределах каждого года в известной последовательности стран с запада на восток, теоретически начиная с Испании, кончая Дальним Востоком. Стремясь к исчерпывающей полноте, *Répertoire* в одном отделе должен был все же ввести большие ограничения, а именно произвести отбор египетских надгробий, громадное количество которых грозило нарушить равновесие смешанного списка.

Опубликование первых пяти томов из предположенных шестнадцати дает отчетливое представление о характере, подборе, формах надписей, прежде рассеянных. Между прочим, оказалось, что среди вещевых надписей первых веков хиджры гораздо большее место занимают датированные текстилии, чем можно было ожидать. Несомненно, что в этой и других отраслях издание стимулировало пересмотр материала. Наши некоторые материалы вошли в издание, но далеко от исчерпывающего объема.

К сожалению, пока нельзя указать ни одного сводного издания наших арабских текстов, которое хотя бы отдаленно приближалось к масштабам *Corpus Inscriptionum Arabicarum*. Это — дело будущего. Перед эпиграфистами СССР стоит трудная задача подготовки издания свода арабских надписей, который должен слагаться из нескольких отделов или томов, как-то: свода арабских надписей Кавказа, зародышем которого

является статья Н. Ханыкова, написанная в 1862 г. (*Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. J. A., V série, t. XX, 1862*), надписей Средней Азии, Крыма, Поволжья, Украины, музейных собраний. В силу местных условий, к основной части некоторых томов должны быть даны дополнения, куда надо включить надписи персидские, татарские и т. п. в тех случаях, когда они идут параллельно или связаны с арабскими на одних и тех же памятниках, как это имеет, напр., место, на некоторых постройках Армении, Азербайджана и Средней Азии.

Одновременно со Сводом надписей надо составлять и хронологический список, который определит объем, состав и степень обработки нашего фонда. Необходимо ускорить собирание надписей на местах, потому что время идет, а памятники разрушаются и исчезают, как исчезли, напр., надписи на огромной стене по горному хребту за Дербендом.

Программа так велика, что, конечно, не под силу одному человеку и требует многолетней работы высококвалифицированных специалистов по определенному плану. Для ее осуществления нужно не только систематическое выполнение подготовительной работы, но необходимо монографическое изучение важных текстов, серий надписей по отдельным памятникам и категориям, переиздание опубликованных текстов, наконец, подготовка специалистов.

Одним из крупных затруднений в работе является раскиданность материалов, их трудная доступность, не только из-за расстояний, которые можно до известной степени преодолеть техническими средствами, а именно работой по фотографиям и эстампам, но и из стремления оградить местные интересы и права издания. Но нам кажется, что необходимо стремиться к объединению и полноте распыленного материала; надо отказаться раз навсегда от кустарного издания текстов и поставить это дело на научную высоту, чтобы надписи получили правильную оценку и из мертвого капитала превратились в живую основу материальной культуры и истории страны.

Ленинград.
9 июня 1935.
